

Анна Нахимчук

В переулке, которого нет

* * *

Солнце мое! Ты вернулось ко мне!
Спелой шелковицы ягоды сочные!
Солнце – и блеск раскаленных камней!
Солнце – и сладости эти восточные!

Солнце – и финики! Солнце – и семечки!
Солнце – и солнечный зайчик в окне!
Солнце детей, поцелованных в темечко
В солнечном ветре, в летящей волне.

* * *

На Фонтане живу я. Здесь весело!
Вот белье снова Женя развесила.
На ветру развеваются простыни.
Не увидишь такого ты в Бостоне.
Здесь Анжела торгует картофелем,
Продавщица с ахматовским профилем.
И звенит колокольчик молочника.
И толпится народ у источника.
Набирают здесь воду заветную,
Драгоценную воду бюветную.
До краев наполняются емкости.
В летнем воздухе плавают ласточки.
Жить и жить бы в такой же вот легкости!
Божий дух здесь – и ангел в колясочке.

Это улица Среднефонтанская.
Это улица заокеанская...
Здесь шумят тополя и акации,
Здесь на рельсах растут одуванчики.
И летят, соблюдая дистанцию,
Как игрушечные трамвайчики.
Что ж, махнем до шестнадцатой станции!

* * *

Строят дом. И растут этажи,
Зеркалами на солнце сверкая.
А вокруг – та же самая жизнь,
Та же самая, хоть и другая.

Эту жизнь, словно щепку, несет
Море времени. Нету покоя!
А вокруг – то же самое все,
То же самое, хоть и другое.

Мир меняется в вихре стихий.
И гнетет по ночам ностальгия.
Но пишу, все пишу я стихи,
Те же самые, хоть и другие.

Оглянусь, посмотрю на себя,
Отражения не узнавая.
Это – я, это все-таки я,
Та же самая, хоть и другая.

Так, должно быть, смотрел Одиссей,
Возвратившись в места дорогие.
Берега... те же самые все,
Те же самые, хоть и другие.

И балкон... Он его не забыл,
Где ждала Пенелопа, тоскуя.

И любил он, все так же любил
Ту же самую, хоть и другую.

* * *

Кто бы ни был, богач ли, бедняк,
Ты, идущий сквозь эти руины,
Оглянись. Здесь стоял особняк.
Перед домом росли георгины.

Здесь когда-то стоял особняк.
Прошлой жизни живые картины
Поглощает навязчивый мрак
И руины... руины...

Чья-то юность здесь была ключом,
Чья-то жизнь разливалась рекою,
Оглушала аккордами дом,
Разрывая оковы покоя.

Чья-то юность и чья-то весна.
Золотые песчинки мгновений.
Не мираж ли – вот эта сосна,
Не отбрасывающая тени?

Не иллюзия ли – этот дом?
Он плывет... так плывут акварели...
Так плывут между явью и сном
Переливы незримой свирели.

Духом прошлого веет сквозняк
В переулке, которого нету.
Кто бы ни был, богач ли, бедняк,
Ты, живущий во времени *этом*, –

Оглянись на исчезнувший мир.
Пусть, как бритва, ударит по зрению

Ярко вспыхнувший свет и на миг,
Полыхнув, ослепит озарение.

И не двинешься с места: столбняк.
Только что здесь чернели руины.
Ты стоишь. Пред тобой особняк
И пылающие георгины.

Как в кино – перемотка назад –
Кадр за кадром вернуться к началу.
И увидеть бушующий сад,
Волны, бьющие в доски причала.

И апрельским счастливейшим днем
Первой ласточки звонкое сальто.
Шарик пыли, прибитой дождем
К перламутру асфальта.

Из цикла «Война»

Я плачу!

Я плачу, но – нет! – не об этом подонке,
Что в землю за деньги кровавые влип.
Я плачу о том пятилетнем ребенке,
О каждом ребенке, который погиб.

Я плачу о той онемевшей старухе,
Что, в тусклое небо, раскинув крестом
Большие свои и – бессильные – руки,
Хрипела проклятья запекшимся ртом.

Я плачу о тех, кто уже не заплачет,
Кричу – обо всех, кто уже не кричит!
А тот, кем преступный шабаш этот начат...
Ужель его сердце молчит?

* * *

Разве Солнце не светило
В день, когда происходило
То жутчайшее событие,
В черный день кровопролитья?

Разве звезды не сияли
В ночь, когда живьем сжигали
Тех несчастных, в злобе дикой,
В ночь трагедии великой?

На земле, где зло творилось,
Разве жизнь остановилась?
Шар земной остановился
В страшный час, когда разбился

Небосвод о твердь земную?!
Нет. Все так же, смерть минуя,
Время шло. И шли трамваи.
И вколачивались сваи.
Пекся хлеб. Белье стиралось.
И... Джоконда улыбалась.

